

Галина Фирсова

ПЕСНЬ ЗАБЫТЫХ ВЕТРОВ

Галина Фирсова

Песнь забытых ветров

«Автор»

2026

Фирсова Г.

Песнь забытых ветров / Г. Фирсова — «Автор», 2026

Повесть «Песнь забытых ветров» Галины Фирсовой – захватывающее фэнтези о магии имён, где каждое слово обладает силой, а цена могущества – собственная личность. В мире Аэриона магия строится на истинных именах: зная имя вещи, стихии или даже мгновения, можно повелевать им. Но над миром нависла угроза – наступает Тишина: имена стираются, природа увядает, а люди теряют воспоминания и даже собственные имена. Семнадцатилетняя Лира, сирота из горной деревни, всегда отличалась странной способностью: она слышала шёпот мира и видела, как мерцают и тускнеют истинные имена вокруг. Старый кузнец, оказавшийся бывшим Именователем, раскрывает Лире правду о её происхождении и вручает древний артефакт – флейту, хранящую имена ветров. Её путь лежит к Башне Ветров и Академии Именователей, чтобы узнать, как остановить надвигающуюся катастрофу. «Песнь забытых ветров» – это история о силе слова и ответственности перед миром, о том, что истинная магия рождается не из желания повелевать, а из умения слушать.

© Фирсова Г., 2026

© Автор, 2026

Галина Фирсова

Песнь забытых ветров

Песнь забытых ветров

Фэнтези

От автора

Говорят, что в мире, где всё имеет имя, самое страшное – это тишина. Не та тишина, что приходит с ночью и укрывает землю мягким покрывалом, а та, что стирает слова, размывает очертания вещей и заставляет забыть, кем ты был и кого любил.

Я не стану уверять вас, будто знаю эту историю от начала и до конца. Я собирала её по крупицам: из шёпота стариков у костров, из пожелтевших свитков, из песен, которые поют в далёких деревнях, когда ветер становится слишком холодным, а тени слишком длинными. Кое-что я додумала сама, кое-что подсказала мне память о снах, которые снились в детстве и отчего-то не забылись. Но в основном я старалась быть честной: если эта история и вымышлена, то лишь наполовину. Ведь в каждом мире, даже самом далёком от нашего, живёт одна и та же правда: сила требует ответственности, а дар – жертвы.

Мир Аэриона, о котором пойдёт речь, держится на именах. Не на тех, что мы даём друг другу при рождении и потом носим всю жизнь, а на истинных именах – тех, что открывают суть вещей. Камень – не просто камень, он помнит, как рождался в огне и остывал под дождями; ветер – не просто движение воздуха, он несёт в себе голоса далёких земель; а песня – не просто череда нот, а способ удержать эти имена и заставить их работать вместе.

Но столетие назад в Аэрионе начала расти Тишина. Она кралась по долинам и взбиралась на горы, приглушая голоса мира, стирая имена и оставляя после себя пустоту. И когда казалось, что мир вот-вот забудет сам себя, появилась девушка, которая слышала то, чего не слышали другие.

Её звали Лира.

Эта повесть о её пути, о магии, которая может как спасти, так и погубить, о друзьях, что становятся семьёй, и о выборе, который приходится делать, когда на кону стоит не только твоя жизнь, но и голос целого мира.

Пусть эта история напомнит вам: иногда самое важное слово – то, которое не хочется забыть, а самая сильная песня – та, что поётся не ради власти, а ради того, чтобы кто-то снова смог услышать шёпот ветра.

И если, дочитав до конца, вы на мгновение прислушаетесь к тишине вокруг и вдруг различите в ней отголосок далёкой мелодии – значит, я рассказала её не зря.

С уважением,

ваш рассказчик

Галина Фирсова.

Глава 1. Шёпот, который слышит только Лира

Солнце ещё не поднялось над зубцами гор, но деревня уже просыпалась. Где-то залаяла собака, скрипнула дверь, в воздухе поплыл запах дыма и свежего хлеба. Лира стояла у порога кузницы, щурясь от первых лучей, и слушала – не разговоры людей, не лай и не скрип – то, что пряталось за ними. Тихий, едва уловимый шёпот, который был старше деревни, старше самой семнадцатилетней Леры.

– Опять стоишь и в небо смотришь? – раздался за спиной хриловатый голос. – Если так и будешь мечтать, тесто у Марты убежит, а у меня подкова остынет.

Лира улыбнулась, не оборачиваясь. Это был голос старика-кузнеца, её опекуна. Он ворчал всегда, но в этом ворчании было что-то надёжное, как наковальня – тяжёлое, твёрдое, вечное.

– Я не мечтаю, – тихо сказала Лира. – Я слушаю.

Кузнец хмыкнул, подошёл ближе и встал рядом, опершись на дверной косяк. Его руки, покрытые шрамами и вьёвшейся в кожу копотью, казались частью самой кузницы, будто он выковал их вместе с мечами и подковами.

– И что же говорит тебе утро? – спросил он уже мягче.

Лира чуть наклонила голову, прислушиваясь.

– Ветер сегодня торопится. Будто ему нужно успеть что-то сказать, пока солнце не стало слишком громким. А камень у колодца... его имя дрожит.

На этих словах кузнец едва заметно напрягся. Он не любил, когда Лира говорила про «имена». Для остальных в деревне это была просто её странность: девочка вечно бормочет про шёпот камней и пение ветра. Кто-то улыбался снисходительно, кто-то вздыхал, мол, чудная она, да добрая. Но кузнец знал: это не просто причуда.

– Не надо про имена, – буркнул он. – Люди услышат – начнут коситься.

Лира кивнула, привычно пряча свою особенность, как прячут хрупкую вещь, чтобы не разбили. Она знала правила: не говорить, не показывать, не пугать.

Но стоило кузнецу отвернуться, как Лира снова скользнула взглядом к старому валуну у колодца. И правда – его имя, то самое, что делало его именно этим камнем, а не просто куском скалы, теряло очертания. Оно будто размывалось, как надпись на мокром песке.

– Держи, – шепнула Лира, почти беззвучно, одними губами, и потянулась внутренним слухом к этому угасающему слову. Она не знала, как это работает, не могла объяснить, но чувствовала: если не подхватить имя сейчас, оно исчезнет, и камень станет просто мёртвым куском породы.

Имя откликнулось неохотно, будто цеплялось за последние крупинцы силы. Лира удержала его, как держат в ладонях испуганную птицу – крепко, но бережно, и прошептала:

– Ты – камень у колодца, ты помнишь все вёдра, что касались тебя, все рассветы, что ты встречал.

Камень замерцал едва заметным светом, и имя на мгновение стало ярче. Но вместе с этим из Лирy будто вытянули глоток воздуха, она покачнулась, и только крепкая рука кузнеца успела её подхватить.

– Эй, ты чего? – в его голосе прозвучала тревога, которую он тут же попытался спрятать за привычным ворчанием. – Опять свои фокусы крутишь?

Лира покачала головой, делая вид, что просто споткнулась.

– Прости. Голова закружилась. Наверное, рано встала.

Кузнец прищурился, глядя на неё так, будто хотел разглядеть что-то скрытое под кожей, в самой глубине её глаз. Но ничего не сказал. Только крепче сжал её плечо и повёл внутрь кузницы, где уже гудел огонь, а воздух был горячим и пах железом.

Внутри Лира принялась раздувать меха, чувствуя, как жар постепенно возвращает силы. Она любила эту работу: здесь всё было понятно. Огонь горит, металл плавится, молот стучит. Здесь не нужно было прятать свой дар или бояться, что тебя сочтут странной.

Пока кузнец ковал подкову, Лира украдкой поглядывала на инструменты. У каждого из них тоже было имя: у молота – короткое и звонкое, у щипцов – длинное и скрипучее, у наковальни – глубокое, как голос горы. Они не мерцали, как камень у колодца, но Лира их слышала. Иногда ей казалось, что металл шепчет ей, как лучше его согнуть, где ударить сильнее.

– Сегодня сходишь в горы, – вдруг сказал кузнец, не поднимая головы от работы. – Возьми корзину, собери горных трав для Марты. Она говорит, у неё мазь кончается.

Лира подняла на него удивлённые глаза. Обычно он не отпускал её одну далеко.

– А ты справишься тут без меня?

Кузнец фыркнул.

– Да уж как-нибудь не сгорю. Иди. Только не задерживайся до темноты. И... – он на секунду запнулся, будто подбирая слова, – не ходи к старым руинам. Слышишь?

Лира снова кивнула, пряча улыбку. Горы манили её. Там, вдали от деревни, среди скал и ветра, она могла не притворяться, что ничего не слышит. Там мир говорил с ней в полный голос.

Через час, с корзиной за спиной и куском лепёшки в кармане, Лира шагала по узкой тропе, уходящей вверх, к облакам. Ветер тут же обнял её, запутался в волосах, прошептал что-то на своём языке, и Лира ответила ему тихим смехом.

Тропа петляла между скал, и с каждым шагом голоса мира становились громче. Пение птиц сплеталось с шорохом сухой травы, камни переговаривались друг с другом, а где-то вдали, за перевалом, тихо стонал старый ледник.

Лира остановилась у расщелины, где росли редкие горные травы, нужные Марте. Наклонившись, чтобы срезать пучок, она вдруг замерла. Воздух здесь был не такой. Он будто застыл, стал густым и тяжёлым, как перед грозой. И в этой тишине Лира услышала нечто новое – не шёпот мира, а чужой, холодный звук, похожий на скрежет льда о стекло.

Она подняла голову и вгляделась в тень между скалами. Там, где должен был быть просто мрак, тень жила. Она шевелилась, вытягивая длинные, тонкие пальцы из темноты, будто пробовала воздух на вкус.

И в этот момент Лира увидела то, чего раньше не замечала: над деревней, лежавшей внизу, словно тонкая вуаль, висела едва заметная дымка. Не туман. Что-то другое. И сквозь эту дымку имена вещей становились тусклее. Имя самой деревни едва мерцало, как угасающий уголёк.

Сердце Лиры забило быстрее. Она не знала, что это за тень, не знала, почему имена исчезают. Но она чувствовала: это только начало. Мир говорил с ней, и сейчас он кричал.

В мире Аэриона деревня Вершинный Уступ была одной из множества деревень. Она цеплялась за склон, будто боялась сорваться в пропасть. Дома тут строили не просто из камня и дерева, их собирали так, чтобы они сливались с горой: стены подпирали скалы, крыши повторяли изгибы утёсов, а двери ставили не там, где удобно человеку, а там, где «ветер не спотыкается». Говорили, что так деревня живёт дольше: гора её бережёт, а ветер не срывает крыши.

Утро начиналось не с крика петуха, а с того, как менялся воздух. Сначала он был холодным и острым, как лезвие, потом постепенно теплел, и в нём проступали запахи: сырой камень, сухая трава, дым из труб, чуть-чуть – ржавое железо из кузницы. Для большинства жителей это были просто запахи. Для Лиры – слова.

В Вершинном Уступе всё делалось с оглядкой на ветер и камень. Даже хлеб пекли по-особенному: тесто вымешивали строго по часовой стрелке, «чтобы кружение шло с горой, а не против неё». Если кто-то ставил новую ограду, он обязательно оставлял в ней «дырку для ветра» – узкую щель между жердями, чтобы воздух мог свободно проходить и не злился.

У каждого дома был свой маленький ритуал. У дома старухи Мирры каждое утро на порог ставили плошку с водой и щепотку соли – «чтобы тени не задерживались». У семьи гончара на балке над дверью висели три высушенных листа горного папоротника: считалось, что они не дают злым словам прилипнуть к дому. А у кузницы Ардена на каменной тумбе у входа всегда

лежал гладкий чёрный камень с дыркой посередине – «куриный глаз», который, по поверью, отводил дурной взгляд и помогал железу держаться крепче.

Ли́ра знала все эти мелочи и не считала их суевериями. Для неё они были чем-то вроде тихой магии, которую деревня хранила, даже не называя её так. И в этом была своя правда: когда ты живёшь на склоне, где любой неверный шаг может стать роковым, ты учишься слушать мир.

Пока деревня просыпалась, Ли́ра стояла у края, там, где тропа уходила вниз, в туман, и слушала. Не ушами, как слушают песню или разговор, а глубже, будто мир шептал ей на языке, который никто больше не понимал.

Вот камень у поворота. У него было имя – короткое, шершавое, похожее на скрежет гальки. Ли́ра не знала, как оно звучит на древнем языке Именователей, но чувствовала его суть: «тот, что держит тропу». И сейчас это имя тускло, словно кто-то стирал его пальцем. Оно становилось бледным, размытым, и камень будто терял свою твёрдость.

Ли́ра подошла ближе, присела, коснулась шероховатой поверхности и тихо, почти беззвучно, прошептала то, что чувствовала – не слово, а его отголосок. Имя вспыхнуло снова, на мгновение стало ярче, чем прежде, и тут же опало до обычного света. Камень остался камнем, надёжным и тяжёлым. А Ли́ра почувствовала, как из неё будто вытянули глоток воздуха, и на секунду перед глазами поплыли тёмные пятна.

– Опять ты с камнями разговариваешь? – раздался голос позади.

Она вздрогнула, обернулась. Это был старый кузнец Арден. Он стоял, опершись на посох, хотя в кузне обходился без него. Его лицо было изрезано морщинами, а глаза смотрели так, будто видели не только то, что перед ними, но и то, что пряталось за этим.

– Я не разговариваю, – тихо сказала Ли́ра. – Я... возвращаю.

Арден помолчал, потом подошёл, тяжело ступая, и положил ладонь на тот же камень.

– Он устал, – сказал кузнец. – Как и все тут.

Ли́ра хотела спросить, что он имеет в виду, но не стала. Она и сама чувствовала: мир становился глуше. Ветер всё чаще приносил не новости, а пепел. Реки шептали всё тише. Даже огонь в кузнице теперь трещал не так звонко, будто ему не хватало слов.

Они пошли вниз, к кузнице. По дороге им встретились несколько жителей. Кто-то кивал Ардену, кто-то бросал на Ли́ру быстрые взгляды – не злые, но осторожные. В деревне к её «странностям» относились с молчаливым терпением: раз Арден её растит, значит, так надо. Но за спинами шептались. Говорили, что она слышит духов. Что она может накликать беду. Что ветер говорит с ней, а это не к добру.

В кузнице пахло железом, углём и чем-то ещё – терпким, древним, будто запах самой горы. Арден снял плащ, закатал рукава и взялся за молот. Ли́ра знала этот ритм: тяжёлый удар, короткий вдох, снова удар. Это был язык, который понимали все.

Пока Арден работал, Ли́ра сидела на ящике и смотрела, как меняется свет. В щели между камнями пробивался луч, и в нём кружились пылинки. Каждая из них, казалось, тоже имела имя – крошечное, быстрое, как вспышка. Но эти имена Ли́ра не трогала. Они были слишком хрупкими, слишком мимолётными.

– Ты сегодня бледная, – не оборачиваясь, сказал Арден. – Опять камень спасала?

Ли́ра кивнула.

– Это не твоя забота, – буркнул он, но в голосе не было злости. Только усталость. – Пусть сами держатся.

– А если не смогут? – тихо спросила она.

Кузнец замер, молот завис в воздухе. Потом он опустил его, тяжело вздохнул и посмотрел на Ли́ру так, будто хотел что-то сказать, но передумал.

– Мир большой, – наконец произнёс он. – И он не обязан быть добрым.

Но Лира знала: дело не в доброте. Дело в том, что мир забывал, кто он такой. Его имена стирались, и он терял себя.

К полудню деревня ожила. Женщины несли воду, дети бегали между домами, мужчины чинили ограды. Всё выглядело обычным. Но Лира замечала мелочи: как старик у колодца на мгновение замер, будто забыл, зачем пришёл; как девочка, смеявшаяся минуту назад, вдруг стала серьёзной, будто стёрли часть её радости; как тень от дома легла не туда, куда должна была.

И ещё – пепел. Он был повсюду. Тонкий, серый, почти незаметный. Он оседал на крышах, на траве, на волосах. И в воздухе висел привкус – горький, металлический, как будто мир начал ржаветь.

По вечерам, когда в очагах догорали угли, в домах собирались старики и рассказывали истории, которые передавались из поколения в поколение. Лира любила слушать их, сидя на краю лавки, стараясь не мешать и не привлекать к себе лишнего внимания.

Одна из любимых легенд была про Трёх Стражей Горы. Говорили, что когда-то давно, когда деревня только строилась, три духа – Камень, Ветер и Огонь – пришли к первым поселенцам и спросили: «Как вы будете жить с нами?» Первые жители ответили: «Мы будем слушать». И духи остались. С тех пор считалось, что, если деревня забывает слушать, Стражи начинают сердиться: ветер срывает крыши, камни осыпаются со склонов, а огонь в кузницах горит тускло и неохотно.

Ещё рассказывали про Пепел Молчания. По легенде, когда-то в долине жил человек, который хотел заставить мир замолчать, чтобы никто не мог шептать ему правду. Он собирал голоса ветра, крики птиц и даже шёпот травы в чёрные сосуды и запечатывал их. Но мир не может молчать. Когда все голоса были заперты, сама земля начала покрываться пеплом, потому что без шёпота она забывала, как быть живой. В конце концов, человек понял свою ошибку и разбил сосуды, но пепел остался как напоминание: молчание опасно.

И, конечно, все знали историю про Башню Ветров. Говорили, что это не просто башня, а огромный голос мира, который собирает все ветры и хранит их имена. Кто-то верил, что там живут Именователи, которые управляют погодой и судьбой. Другие шептались, что Башня – это ловушка: она вытягивает голоса из земли и делает мир глухим. Но все сходились в одном: Башня Ветров – это нечто великое и страшное, и лучше держаться от неё подальше.

Ближе к вечеру Лира поднялась на небольшой уступ над деревней. Отсюда открывался вид на долину, на далёкие леса, на полосу тумана, которая тянулась к горизонту. И там, за туманом, где небо сливалось с землёй, виднелась тонкая линия – чёрная, прямая, чуждая этому миру. Башня Ветров.

Лира смотрела на Башню и чувствовала, как в груди шевелится что-то незнакомое – не страх, а предчувствие. Будто мир шептал: «Скоро».

Когда она вернулась в кузницу, Арден уже закончил работу. Он сидел у очага, пил травяной отвар и смотрел в огонь так, словно искал в нём ответы.

– Ты опять туда ходила, – не спросил, а констатировал он.

– Да, – призналась Лира. – Смотрела на Башню.

Рассвет в деревне Каменный Уступ всегда наступал не с первым лучом солнца, а с голосом ветра. Он скользил между скал, цеплялся за крыши, пробегал по сухой траве и будто шептал каждому по секрету: «Просыпайся. Мир уже не спит».

Лира знала этот шёпот лучше любого другого звука. Она сидела на краю крыши кузницы, свесив ноги, и слушала, как ветер перебирает имена.

Для большинства людей ветер был просто ветром – холодным, упрямым, иногда злым. Но Лира видела иначе. Над каждым предметом, над каждым живым существом висело его

истинное имя – тонкая вязь мерцающих слогов, будто сотканная из света и воздуха. У старого камня у ворот имя было тяжёлым и шершавым: «Гра-ан-тarr» – оно отзывалось в груди гулким эхом. У молодой травы — лёгким, почти невесомым: «Зе-ли-на». У самой Лире... своего имени она не видела. Иногда это пугало.

– Спускайся, Лира! – голос кузнеца донёсся снизу, грубоватый, но тёплый. – Опять сидишь там, будто птица. А ты у меня подмастерье, а не пернатое создание.

Лира улыбнулась и легко спрыгнула с крыши, приземлившись на носки. Внизу её ждал обычный день: раздувать меха, подносить инструменты, слушать, как металл поёт под молотом. Но сегодня что-то было не так.

Воздух пах пеплом. Не тем, что остаётся после костра, а сухим, мёртвым пеплом, будто кто-то стёр из мира часть красок. Лира нахмурилась и прислушалась.

Над камнем у ворот мерцание имени стало тусклее. «Гра-ан-тarr» дрожало, как огонёк на ветру, и будто бы теряло очертания. Лира подошла ближе, протянула руку и, не задумываясь, прошептала имя вслух – тихо, почти беззвучно, одними губами.

Имя вспыхнуло, возвращаясь к прежней яркости, но вместе с этим из Лире будто вытянули глоток воздуха. Голова слегка закружилась, во рту появился металлический привкус. Она покачнулась, но устояла.

– Ты опять это делаешь, – тихо сказал кузнец, появившись рядом. Он не кричал, не ругал, но в его голосе слышалась усталость. – Ты возвращаешь имена, Лира. А они не для тебя.

– Но оно гасло, – прошептала она, всё ещё чувствуя лёгкое головокружение. – Оно почти исчезло.

Кузнец тяжело вздохнул, положил широкую ладонь ей на плечо. Его пальцы были в мозолях и саже, но прикосновение было бережным.

– В этом году Тишина сильнее, – произнёс он, оглядываясь, будто боялся, что кто-то подслушает. – Всё вокруг теряет имена. Ветер становится глухим, земля – немой. А ты... ты слышишь то, что другие не могут. И это опасно.

Лира хотела спросить, почему опасно, но не успела. Из деревни донёсся крик. Потом ещё один. Потом тишина – та самая, тяжёлая, неестественная, от которой волоски на коже встают дыбом.

Они побежали.

По дороге Лира снова прислушалась – и похолодела. Имена над домами, над людьми, над деревьями – все они дрожали, как отражения в потревоженной воде. Некоторые уже начинали рассыпаться, словно песок сквозь пальцы.

На главной площади люди стояли, будто застывшие фигуры. Они дышали, моргали, но их глаза были пустыми, как у кукол. Женщина держала в руках корзинку, но не помнила, зачем она ей. Старик смотрел на свои ладони, будто видел их впервые.

– Что с ними? – выдохнула Лира, хватая кузнеца за рукав. – Почему они...

– Их коснулась Тишина, – глухо ответил он. – Или то, что её приносит.

И тут Лира заметила тень.

Она не была похожа на обычную тень от дерева или дома. Она двигалась сама по себе – тяжёлая, маслянистая, будто сотканная из самой темноты. Она скользила между людьми, касаясь их плеч, лбов, рук, и каждый раз, когда она прикасалась, имя над человеком тускнело ещё сильнее, а потом и вовсе исчезало.

Существо заметило Лире. Повернулось. У него не было лица, но Лира почувствовала, как оно её оценивает. И вдруг... отступило. Будто не смогло её коснуться.

– Оно меня не видит, – прошептала Лира, сама не веря своим словам. – Почему?

– Потому что ты – другая, – сказал кузнец.

Его голос звучал твёрже, чем раньше, будто он наконец решился сказать то, что скрывал годами

– Ты – из рода Древних Хранителей. Тех, кто слышит мир и отвечает ему. Ты не просто слышишь имена, Лира. Ты можешь их удерживать. Возвращать. И именно поэтому ты в опасности.

Он потянул её прочь с площади, в сторону кузницы, где было темнее и безопаснее

Но Лира видела, что дело не только в этом. В его глазах была решимость человека, который знает, что впереди его ждёт что-то тяжёлое, и он готов это встретить.

Она кивнула, не в силах говорить. За спиной снова раздался стон – кто-то из жителей наконец очнулся, но тут же снова застыл, будто его снова накрыла волна пустоты.

Ветер встретил её у ворот. Он больше не шептал. Он кричал.

И Лира поняла: мир звал её не как девочку из маленькой деревни, а как ту, кто может услышать его голос – и ответить.

Глава 2. Тень, что крадёт память

Ночь в деревне легла тяжёлым, плотным покрывалом. Даже звёзды будто потускнели, и небо казалось не бархатным, а серым, как остывшая зола. Лира лежала на своей узкой лавке у стены, укрывшись старым шерстяным пледом, и смотрела в тёмный потолок. Сон не шёл. В груди ворочалось странное, колющее беспокойство, будто воздух в комнате стал слишком густым, чтобы его вдыхать.

Она села, спустила ноги на холодный пол и подошла к окну. За стеклом чернели силуэты домов, и даже привычный скрип ставня казался сегодня чужим, насторожённым. Лира прижалась лбом к стеклу и вдруг заметила, как тени во дворе стали гуще, чем положено быть темноте. Они не просто лежали на земле, они шевелились, словно живые.

Из угла двора, там, где смыкались стены амбара и кузницы, тень начала отделяться от остальных. Она не была похожа на человека, но и не была просто сгустком мрака. Это было нечто, сотканное из тумана и тишины, с очертаниями, которые то появлялись, то исчезали, будто мир не хотел признавать их существование. Существо медленно поднялось над землёй, и от него потянуло холодом, от которого у Лире заныли зубы.

Оно двинулось к первому дому. И тут Лира увидела то, от чего кровь застыла у неё в жилах.

Когда тень склонилась над спящими, из людей потянулись тонкие серебристые нити, будто дым от погасшего костра, только живой, дрожащий. Это были не просто сны и не просто дыхание. Лира вдруг поняла: это воспоминания. Имена. Части самих людей. Тень вытягивала их, втягивала в себя, и дома, к которым она прикасалась, становились пустыми, как скорлупки.

Лира рванулась к двери, хотела закричать, позвать кузнеца, разбудить деревню. Но голос застрял у неё в горле, словно кто-то сжал его ледяной рукой. Она открыла рот, но из него не вырвалось ни звука, только тихий, сдавленный хрип.

Тень замерла. Медленно повернула свою бесформенную голову в сторону дома Лир. В том месте, где у существа должно было быть лицо, вспыхнули два тусклых, бледно-голубых огонька. Они скользнули по стенам, по крыше, по окну, за которым стояла Лира. И наконец остановились на ней.

Секунду, которая показалась вечностью, Лира смотрела в эти холодные огоньки и чувствовала, как её сердце бьётся где-то в горле. Она ждала, что тень скользнёт к ней, вытянет из неё всё, что делает её собой. Но существо не двинулось. Огоньки мигнули, будто в недоумении, и затем медленно потухли. Тень словно... не увидела её. Или не смогла увидеть.

Дар Лир, её способность слышать имена мира, сделал её невидимой для этой твари. Она стояла, дрожа, и смотрела, как тень возвращается к своему мрачному делу, вытягивая из деревни её душу.

Когда первые лучи рассвета коснулись крыш, туманное существо растаяло, оставив после себя лишь запах пепла и звенящую тишину.

Лира вышла во двор, едва держась на ногах. Деревня была на месте: дома стояли, двери были закрыты, петухи не кричали. Всё было как всегда – и в то же время совсем не так.

Первым она встретила старого мельника, который обычно встречал рассвет у колодца. Сегодня он стоял у края сруба, глядя в пустую яму, и лицо его было пустым, как вымытый дождём камень.

– Мельник, – прошептала Лира, подходя ближе. – Что с колодцем?

Мельник медленно повернул к ней лицо. Глаза его были ясными, но в них не было узнавания.

– Колодец... – повторил он, будто пробуя слово на вкус. – Да, колодец. Раньше в нём была вода.

– А теперь? – спросила Лира, чувствуя, как внутри всё сжимается.

– Теперь там ничего нет, – спокойно ответил мельник. – Как и во мне.

Он снова устался в яму, будто надеялся увидеть на дне что-то, что напомним ему, кто он такой.

Лира пошла дальше. В каждом доме её встречали люди, которые были живы, но словно потеряли часть себя. Они помнили, что у них были дети, но не могли вспомнить их имён. Помнили, что любили кого-то, но не знали, кого именно. Их воспоминания были как старые, выцветшие картины: очертания остались, а краски стёрлись.

Скот исчез. Не убежал, не был украден – просто растворился вместе с памятью о нём. Колодцы пересохли, и вода ушла не только из земли, но и из памяти людей: они помнили, что вода была, но не помнили её вкуса, не помнили, как она звучала, падала в ведро, плескалась в ладонях.

В кузнице Лира нашла старика. Он сидел на лавке, сжимая в руках молот, и смотрел перед собой. Когда она вошла, он поднял на неё глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на узнавание.

– Лира, – тихо сказал он, словно проверяя, не исчезнет ли это слово у него на губах. – Ты видела?

– Видела, – кивнула она, садясь рядом. – Тень. Она забрала у них... всё.

Кузнец медленно покачал головой.

– Не всё, – прошептал он. – Только самое хрупкое. Имена. Воспоминания. То, что делает нас собой.

Лира сжала кулаки.

– Мы должны что-то сделать.

Старик посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

– Ты единственная, кто видел её и остался собой, – сказал он. – Твой дар защитил тебя. Но он же и делает тебя мишенью.

– Тогда пусть будет мишенью, – упрямо ответила Лира. – Я не позволю ей забрать ещё кого-нибудь.

Кузнец вздохнул, положил тяжёлый мозолистый палец ей на плечо.

– Сегодня ты спасла деревню тем, что просто осталась собой, – тихо произнёс он, – но, чтобы спасти её по-настоящему, тебе придётся уйти.

И тогда он рассказал ей правду – о том, кем он был раньше, о магии имён, о Башне Ветров и о том, что где-то есть люди, которые знают, как бороться с такой тьмой.

За окном деревня тихо оплакивала свои потерянные имена. И Лира знала: она должна вернуть их. Даже если для этого придётся пройти сквозь тень.

Глава 3. Правда старого кузнеца

В кузнице было непривычно тихо. Обычно здесь жил свой, особенный ритм: шипение раскалённого металла, тяжёлый удар молота, короткий выдох мехов. Но сегодня огонь в горне едва тлел, отбрасывая на стены дрожащие тени, а кузнец сидел на низкой скамье у дальней стены, сгорбившись так, будто на плечи ему легло что-то куда тяжелее наковальни.

Лира стояла у дверей. После утреннего ужаса деревня казалась чужой, а этот дом, который столько лет был её убежищем, вдруг стал тесным и колючим от невысказанных слов.

– Садись, Лира, – голос кузнеца звучал глухо, будто доносился издалека. – Не стой в проёме. Сквозит.

Она медленно подошла и опустилась на край скамьи, держа спину прямо, словно боялась, что если расслабится хоть на мгновение, то просто рассыплется на части.

Кузнец долго молчал, разглядывая свои огромные, изуродованные работой руки. Наконец он поднял глаза, и Лира вздрогнула: в них было столько усталости, что ей вдруг захотелось снова стать маленькой девочкой, уткнуться ему в плечо и сделать вид, что ничего не случилось.

– Я врал тебе, – просто сказал он. – Почти всю твою жизнь. Не со зла. Чтобы защитить. Но теперь защиты больше нет.

Лира сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

– О чём ты?

– Не о том, что я плохой кузнец, – слабая, горькая улыбка тронула его губы. – О том, кто я на самом деле. И кто ты.

Он сделал глубокий вдох, словно собирался нырнуть в ледяную воду.

– Меня зовут Арден. Не просто кузнец Арден из деревни Ветровых Скал. Я – бывший Именователь. Учился в Академии Именователей, дослужился до третьего круга, видел Башню Ветров изнутри. А потом ушёл. Или, если быть честным до конца, меня вынудили уйти. Я слишком много спрашивал. Слишком громко говорил о том, что магия имён пожирает тех, кто ею пользуется.

Лира почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб.

– Магия имён... Ты про эти мерцающие слова, которые я вижу? Про то, как они тускнеют?

Арден кивнул.

— Да. Это и есть магия в Аэрионе. У всего есть истинное имя – фраза на древнем языке, которая раскрывает суть вещи. Камень – не просто камень. Он – «Тот, что помнит тяжесть гор». Ветер – не просто поток воздуха. Он – «Шепчущий сквозь пустоту». Знать имя – значит иметь власть над вещью. Произнести его правильно – значит заставить её подчиниться.

– Но я не произношу их, – возразила Лира. – Я только вижу. И иногда... будто подхватываю, когда они исчезают.

– Потому что ты не училась этому, – ответил Арден. – Ты родилась с этим даром. Или проклятием. В Академии годами учат слышать имена, тренируют память, учат держать их в сознании, не позволяя им «ответить». А ты делаешь это инстинктивно. И это опаснее всего.

Лира вспомнила, как после того, как она «поймала» имя старого камня, её несколько часов мучила головная боль, а мир казался приглушённым, словно кто-то накинул на него серую ткань.

– Ты говоришь, что имена могут «ответить»? Что это значит?

Кузнец тяжело вздохнул.

– Имя – это не просто слово. Это сила, которая хочет быть услышанной. Когда маг удерживает имя слишком долго или произносит его неправильно, имя начинает менять самого мага. Оно стирает части его личности, подменяет воспоминания, делает его... пустым. Я видел, как лучшие ученики Академии теряли себя, пытаюсь удержать сразу десять имён. Они забывали, как их зовут, переставали узнавать родных. В конце концов, они становились идеальными исполнителями воли старших магов – послушными, лишёнными воли. Именно это сейчас и происходит с нашей деревней. Кто-то стирает имена, чтобы лишить людей воли. Это делают с помощью Глушителей – артефактов, которые гасят имена, как гасят огонь.

Лира обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь.

– Значит, люди не просто устали. Их... стирают.

– Да, – тихо подтвердил Арден. – И ты – последняя, кто может этому помешать. Ты – из рода Древних Хранителей. Твои предки не просто знали имена. Они были связующим звеном между миром и его сутью. Они слышали голос мира и отвечали ему песней.

Из груди Лир вырвался нервный смешок, больше похожий на всхлип.

– Но я даже петь не умею!

– Умение петь тут ни при чём, – мягко возразил Арден. – Речь о способности слышать и отвечать. А это у тебя есть.

Он поднялся, подошёл к тяжёлому сундуку в углу кузницы, который Лира всегда считала просто хранилищем старых инструментов. Замок щёлкнул, крышка поднялась с жалобным скрипом. Внутри был футляр, в нём на слое потемневшего бархата, лежала флейта. Не обычная деревянная флейта, какие делали деревенские мастера. Эта была словно выточенная из цельного куска полупрозрачного камня, пронизанного тонкими серебряными прожилками. Её изгибы напоминали завитки ветра, а на поверхности мерцали едва заметные руны.

– Возьми, – Арден протянул её Лире, но не отдал сразу, удерживая несколько мгновений. – Это не музыкальный инструмент. Это артефакт-хранилище. В его каналах и изгибах спрятаны имена ветров – древние, сильные, почти забытые. Они могут помочь тебе восстановить утраченное, дать опору, когда собственные силы будут на исходе. Но помни: сила флейты не бесконечна. Каждое имя, которое ты высвободишь, оставит пустоту. И однажды флейта станет просто красивой безделушкой.

Лира осторожно взяла флейту. Она оказалась неожиданно тёплой, словно внутри неё всё ещё жил отголосок пламени. Металл и камень под пальцами слегка вибрировали, будто инструмент был живым.

– Как ей пользоваться? – прошептала она.

– Доверься себе, – сказал Арден. – Флейта отзывается на твой дар. Когда ты будешь играть, ты не просто издашь звук. Ты позволишь именам говорить через тебя. Но будь осторожна. Каждое пробуждение имён будет стоить тебе частички себя. И ещё... – он запнулся, глядя куда-то мимо Лир, в темноту угла. – Во флейте заключён не только ветер. Там есть дух. Его зовут Эш. Он был одним из ветров, чьё имя когда-то поймали и заперли в этом артефакте. Он может говорить с ветрами, узнавать новости, даже слегка менять погоду. Но каждое его появление истощает флейту. Не призывай его без нужды.

Лира кивнула, сжимая флейту так крепко, что костяшки пальцев побелели.

Арден нахмурился, но ничего не сказал. Он понимал, что для Лир магия имён была не чем-то далёким и загадочным, а частью повседневной жизни – просто она видела то, чего не видели другие. Имена не были буквами или словами, написанными в воздухе. Они были скорее... светом и ощущением. Имя камня было тяжёлым, шершавым, тёмно-серым с прожилками тёплого янтаря. Имя ветра – прозрачным, с голубыми и серебристыми нитями, кото-

рые извивались, как струи воды. Имя огня было ярко-оранжевым, с чёрными краями, которые постоянно менялись, будто пламя лизало само себя. Когда имя было сильным и здоровым, оно светилось ровно, как хорошо разожжённый костёр. Когда оно начинало слабеть, свет становился тусклым, мерцающим, а края размывались, как если бы кто-то стирал его мокрой тряпкой. Иногда имя дрожало, будто его трясло от холода или страха.

Когда Лира «подхватывала» угасающее имя и шептала его, это было похоже на попытку удержать в ладонях что-то очень хрупкое и живое. Это могло быть похоже на попытку поймать пламя свечи пальцами: не обожжёшься, но почувствуешь тепло и лёгкое покалывание. Или на то, как ты стараешься удержать в памяти мелодию, которая вот-вот ускользнёт: ты напрягаешь слух, стараешься не потерять ни одной ноты, и от этого у тебя начинает болеть голова.

Каждое такое «возвращение» имени стоило Лире сил. Это было не просто физическое утомление, а скорее ощущение, будто из неё вытягивают часть её собственной памяти или эмоций. После того как она помогала камню вернуть его имя, она могла на несколько минут забыть, как называется какой-нибудь обычный предмет, или почувствовать внезапную тоску по чему-то, чего никогда не видела.

Лира не знала всех тонкостей, но чувствовала разницу между тем, как магия работает у разных людей и в разных ситуациях.

Когда кто-то пытался взять имя силой, оно сопротивлялось. Лира видела, как такое имя сжималось, темнело, а вокруг него появлялись чёрные прожилки, будто трещины. Ощущалось это как резкий холод, который пробирал до костей, и неприятный металлический привкус во рту.

Певцы, о которых рассказывали легенды, умели удерживать сразу несколько имён в одной мелодии. Для Лир это выглядело как разноцветные нити, которые сплетались в узор. Чем сложнее была песня, тем ярче и сложнее становился узор, но и тем опаснее: если певец ошибался, нити могли запутаться, порваться или даже ударить его, как электрический разряд.

Лира смотрела на флейту, на старого кузнеца, на тени, которые удлинялись в кузнице, и понимала: её тихая, привычная жизнь только что закончилась. Мир шептал всё громче, и теперь ей предстояло не просто слушать, а отвечать.

Лира сидела на краю лавки, сжимая флейту так, будто та могла улететь, если ослабить хватку. Полупрозрачный камень был прохладным, но местами – там, где вились тонкие светлые прожилки, – казался тёплым, словно внутри пряталось собственное маленькое солнце. Символы на поверхности слегка мерцали, когда на них падал свет очага, будто вспоминали что-то давно забытое.

Арден молча наблюдал за ней из дальнего угла, где протирал тряпкой молот. Он не подсказывал, не торопил. Просто ждал. И в этом ожидании было столько напряжения, что воздух в кузнице казался гуще обычного.

– А если я что-то сломаю? – тихо спросила Лира, сама не зная, к кому обращается – к Ардену или к самой флейте.

Кузнец чуть наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тому, что стояло за ними.

– Тогда мы починим, – коротко ответил он. – Или научимся жить с трещиной.

Лира кивнула, хотя внутри всё дрожало. Она поднесла флейту к губам, осторожно, как если бы держала в руках живое, хрупкое существо. Пальцы легли на отверстия неуверенно, нащупывая, запоминая их расположение.

Первый звук вышел резким, надломленным, как крик птицы, сорвавшейся с ветки слишком рано. Лира вздрогнула и хотела опустить инструмент, но что-то удержало её: в этом звуке было не только её волнение, но и чужой голос – глубокий, протяжный, будто из самой земли.

Она попробовала снова, на этот раз стараясь дышать ровнее, не гнать мелодию, а позволить ей появиться самой. И вдруг флейта словно подхватила её намерение: звук стал чище, мягче, но в нём всё равно чувствовалась сила – не грубая, а собранная, как ветер перед бурей.

И тогда началось. Перед глазами Лиры вспыхнули нити – те самые, о которых она знала из своих ощущений, но никогда не видела так ясно. Они тянулись от флейты во все стороны: серебристые – к потолочным балкам, тёмно-синие – к каменным стенам, золотистые – туда, где тлели угли в горне. Каждая нить была именем: имя балки, имя камня, имя огня. И все они дрожали в такт музыке, будто просыпались от долгого сна.

Но не все имена радовались пробуждению. Там, где пепел оседал на крышах и въедался в щели между камнями, нити были серыми, ломкими. Когда звук касался их, они не светлели, а трещали, как сухие ветки, и рассыпались на мгновение, чтобы собраться снова, но уже чуть тоньше, чуть тусклее. Лира почувствовала, как от этого по коже пробежал ледяной озноб, а во рту появился горький привкус, словно она глотнула пепла.

А потом она услышала голос. Не слова, не человеческую речь, скорее, дыхание ветра, вплетённое в мелодию. Он звучал внутри флейты, но будто и снаружи тоже, как будто инструмент был мостом между двумя мирами.

–Тихо, – шептал голос. – Не торопись. Мы помним. Мы ждём.

Лира не знала, кто это говорит – дух, заключённый в флейте, или сами имена, которые она пробуждала. Но она послушалась. Убрала напор, перестала пытаться заставить музыку звучать так, как ей хотелось, и позволила ей течь свободно, как ручей по камням.

Мелодия изменилась. Теперь она не приказывала, а спрашивала. Не требовала пробуждения, а предлагала его. И серые, ломкие нити перестали трещать. Вместо этого они начали медленно наливаться цветом: в них проступали оттенки голубого, зелёного, тёплого коричневого. Они всё ещё были тонкими, но уже не казались обречёнными.

Внезапно одна из нитей – ярко-алая, тонкая, как волос, – резко дёрнулась и потянула за собой звук, превращая его в короткий, пронзительный вскрик. Лира едва не выронила флейту, но пальцы сами сжались крепче, будто инструмент знал, что делать. Из отверстия вырвался не просто звук, а вспышка света – маленькая, но ослепительная. Она пронеслась по кузнице, коснулась каждого угла, каждого предмета, и на мгновение Лира увидела всё сразу: как камень у порога снова обрёл своё тяжёлое, шершавое имя; как балки над головой задышали, как старые, мудрые существа; как угли в горне вспыхнули не просто пламенем, а голосом, который шептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.